

2207

«Леса, земли, воды»

Так называлась появившаяся 26 июня 1962 года на страницах «Литературной газеты» статья, которой было суждено сыграть роль поистине решающую в сохранении природных богатств Западной Сибири, и в частности Тюменского нефтяного и газового месторождения. Автор статьи Сергей Залыгин поднимал вопрос большой государственной важности. Речь шла о проекте строительства Нижне-Обской ГЭС в Салехарде.

С. Залыгин обращал внимание общественности на то, что проект не учитывал всех возможных последствий его исполнения. Водохранилище, планируемое ГЭС, затопит огромнейшую территорию, нанесло бы тем самым невосполнимый ущерб живой природе и ее богатствам.

Выступление писателя вызвало большой общественный резонанс. Многие инженеры, ученые, работники Госплана поддержали С. Залыгина, найдя его доводы в высшей степени убедительными.

А ведь убедить, отстоять свою точку зрения было нелегко.

— Полтора года, — рассказывает Сергей Павлович, — я не занимался ничем другим, только этой проблемой. Ездил по всему Союзу — ведь мне важно было говорить не только о нынешнем проекте, а по возможности изучить все аналогичные случаи затопления, их последствия. Одних деловых бумаг, докладных записок, помнится, было в моих папках чуть ли не несколько тысяч страниц. Работал я при поддержке академика Пелагея Яковлевича Кочина, которая возглавляла тогда Комиссию по охране и использованию водных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Не один раз собирали мы все союзные совещания. Научно-исследовательские институты давали массу ценного материала, указывали на возможности изменения ледового режима, климатических условий в данном районе.

В результате мы добились того, что экспертная комиссия Госплана вынесла решение о доработке проекта в течение двух лет. За это время геологи, работавшие в районе Салехарда, представили данные о месторождении здесь нефти и газа. Это окончательно решило дело.

Но прежде, чем дело окончательно решилось, в «Литературной газете» были напечатаны еще две статьи Сергея Залыгина: отстаивать свои позиции приходилось с боем.

— Тогда, находясь в Москве, — вспоминал, выступая на недавней Всесоюзной творческой конференции писателей и критиков в Тюмени первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяков, — готовясь к заседанию Государственной экспертизы, мы с нетерпением ждали появления в «ЛГ» статьи С. Залыгина. Ранним утром в киоске купили побольше экземпляров «Литературки», задолго до начала отправились на заседание экс-

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Сергей ЗАЛЫГИНА

● Г. П. Богомяков, первый секретарь Тюменского обкома КПСС:

«В статье С. Залыгина очень аргументированно были изложены возражения против проекта строительства Нижне-Обской ГЭС. Его выступление сыграло огромную роль в решении большой народнохозяйственной проблемы».

● Единство творческого и человеческого поведения — вот то, что придает особую весомость слову писателя.

● «Должно быть, только тот писатель — писатель, специальность которого — узнавать. Узнавать, узнавать...» (Из книги «Интервью у самого себя»).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

пертизы и раздали газету всем присутствующим, среди которых одних экспертов было более 80, в том числе член академии, 44 доктора наук, — все они дружно, если не сразу, то постепенно, высказывались за «затопление».

Г. П. Богомяков напомнил, как своевременно, остро, доказательно прозвучало тогда слово писателя, какую имело оно силу.

«Наша земля, — писал С. Залыгин, — это наша земля... Расстояния?»

Они не играют существенной роли, здесь важнее другое — правильная информация в печати обо всем том, что мы делаем со своей землей, где и как ее пашем, как добываем из чедра ее уголь, руды, драгоценности, как строим на ней дороги. Как думаем дальше пахать, добывать, строить».

Я НЕ СЛУЧАЙНО вспоминаю сегодня об этой давней истории, такой существенной и такой показательной в жизни писателя.

В последние годы мы часто говорим и пишем: «Охраняйте природу!» Но всегда ли слова наши обеспечивают собственным поступком, всегда ли проникнуты чувством личной ответственности за землю, оставленную нам в наследство нашими предками, за леса и реки, окружающие нас, за все то, что зовем мы высоким словом — Родина?

«Охраняйте природу!»

«Но кто же исполнит эту задачу?» — пишет в одной из своих недавних статей в «Правде» Сергей Павлович Залыгин. — Кто будет разрабатывать все эти глубины, чтобы они вошли в повседневную жизнь человеческую? «...чтобы природа нашла себе то единственное убежище — наше духовное сознание, — в котором она еще может спастись от наших же достижений, от всевозрастающего и количественного, и качественно потребления. Но кто же исполнит эту задачу?»

Вся культура должна ее исполнить...»

Писатель убежден, что велика роль и каждого отдельного человека в решении этого насущнейшего вопроса.

Нашими предками, долгими верстами истории заложено в каждом из нас чувство любви к родной земле, ответственности за эту землю. Чувство это необходимо укреплять и в новом, молодом поколении. Как было бы верно, считает Залыгин, если бы занятия в школе начинались с уроков естествознания, биологии, если бы были введены смешанные уроки художественной литературы и природоведения, чтобы одно подкрепляло другое... И тогда родится цельное впечатление, ответственность за все живое.

За жизнь, которая неделима на биологию, литературу, эстетику, и в этой неделимости, цельности — весь ее смысл.

Необходимо воспитывать в себе, продолжает Залыгин, и чувство обзиримости родной земли, чтобы, как в «Страшной мести» у Гоголя, «каждому стало видимо далеко во все концы света».

С. Залыгин уверен: в сознании большинства людей природа сегодня существует не сама по себе, не отчужденно от человека, а как достояние общественное и высшее благо, ну, а отношение отдельного человека к общественным ценностям и благам, разве же это не сам человек? Не его характер? Не его понимание Добра и Зла?

Это чувство причастности к жизни родной земли, может быть, впервые остро ощутил Сергей Залыгин в тот памятный для него июньский день юности, когда, застигнутый сильным дождем, щедро одарившим изнывавшую от долгой засухи землю, он оказался среди огромного поля овса. «На моих глазах, — вспоминает С. Залыгин, — овсы снова воспряли к жизни». А может быть, почувство это по-настоящему наполнило душу тогда, когда открылись перед взглядом писателя бесконечные просторы Сибири. «Пространство, беспредельность, — пишет С. Залыгин, — вызывает в нас особые, неповторимые чувства и ощущения. Это и какая-то созерцательность, и ощущение величия окружающего мира и гордости за этот мир...»

Н ЕМАЛО троп и дорог исходил Сергей Павлович Залыгин по родной земле.

В пятнадцать лет поступил будущий писатель в Барнаульский сельскохозяйственный техникум. В 1932 году, получив специальность агронома, отправился в горные районы Хакасии. Потом — институт, уже по гидромелиоративному факультету. Работа гидротехником и гидрологом в Омской области, на полярной станции Салехард, в изыскательских партиях, на Иртыше, на Оби. Научная деятельность, защита диссертации, заведование (почти в течение 10 лет) кафедрой гидротехнических мелиораций Омского сельскохозяйственного института...

Первая книга С. Залыгина — сборник рассказов — вышла в 1941 году, но лишь спустя почти двадцать пять лет он оставляет свою техническую специальность, чтобы целиком посвятить себя литературе.

Биография, скажем прямо, не вполне обычная для писателя. Но дело даже и не в биографии, хотя, безусловно, богатейший и разносторонний жизненный опыт, принесенный С. Залыгиным в литературу, трудно переоценить. Дело, как мне представляется, прежде всего в том живом общественном темпераменте, который отличает и человеческий, и писательский облик Сергея Павловича Залыгина.

Автор таких широко известных произведений, как «Тропы Алтая», «На Иртыше», «Соленая Падь», «Комиссия», он и сегодня находится в постоянном творческом поиске, в творческом напряжении.

Только что вышла из печати книга рассказов — появившиеся в прошлом году в журнальной периодике, они вызвали живой интерес и читателей, и критики: настолько неожиданными и по своей тематике, и по стилю были для пера Залыгина. А вот уже перед нами и новый Залыгин — автор необычного по построению (детективный сюжет) романа из времен нэпа «После бури» (с первой частью его мы познакомимся по публикации в «Дружбе народов»)...

Однако не творчество С. Залыгина — предмет данных заметок. Сознательно сужая свою задачу, я хочу сегодня сосредоточить внимание на другом — на тех гранях личности писателя, которые с наибольшей очевидностью выявляются в его гражданской деятельности.

Не буду перечислять всех «постов», которые занимает Сергей Залыгин (в частности, он председатель совета по прозе СП РСФСР, председатель совета по латышской литературе при СП СССР). Скажу только, что и эта работа для него не просто почетное, но и любимое дело.

Единство творческого и человеческого поведения — вот то, что придает особую весомость слову писателя. Заставляет нас верить в это слово.

Здесь нет места равнодушию. Здесь нет места упоению собственным творчеством. Литература для С. Залыгина, если перефразировать слова, сказанные им о русской классике, отнюдь не цель, а лишь средство выражения истины, гораздо более высокой и значительной, чем его искусство и он сам.

Литературные заботы

«...Что это значит — приход в литературу? — размышляет Сергей Залыгин. — Прежде всего, это, конечно, произведение писателя, но это еще и его раздумья о литературе, о связи искусства с жизнью, о путях творчества...»

Писатель — критик, публицист, историк литературы...

Подобные явления не единичны в нашей советской действительности. Они — живое продолжение прекрасной традиции великой русской литературы, выдвинувшей особый тип писателя — человека социального активного, глубоко озабоченного судьбами родной страны, родного слова.

Перу С. Залыгина принадлежит семь критико-публицистических книг. Главная из них носит точное и емкое название: «Литературные заботы».

Именно заботой о родном слове, о родном языке продиктовано обращение писателя к жанрам публицистики, критики, литературоведения. И в этих работах — то же остро ощущаемое чувство личной ответственности за судьбы отечественной литературы.

Писатель убежден: природа, язык, культура — вот то, что обеспечивает связь поколений, непрерывность национальной традиции, способствует самосознанию человека как гражданина своей страны.

Многие работы С. Залыгина посвящены русской классике. Пронзительное по своей глубине личной интонации эссе о Чехове, глубокое исследование о Льве Толстом, поражающая тонким проникновением в художественное слово статья о Гоголе, замечательные строки о Пушкине... Нет, в них далеко не все бесспорно, в этих работах. Возможно, строгий литературовед и упрекнет писателя в субъективизме некоторых оценок и выводов. Но очевидно одно: за каждым словом С. Залыгина стоит ощущение его насыщенности, необходимости.

Что такое традиция? Как сформировалась она, а главное — как действует на нас, к чему обязывает, какую позицию по отношению к ней мы занимаем сегодня — об этом не устают размышлять писатели, справедливо считая, что вопросы эти особенно остро звучат в наши дни.

«Современное искусство, — с сожалением замечает С. Залыгин, — весьма склонно переключаться, перестраиваться, переосмысливать те произведения прошлого, которые, собственно, и создали традиции, в искусстве появляется как бы своя собственная технократия, которая не выполняет задачи новых и самостоятельных открытий, не выдвигает своих идей, а, прежде всего, пользуется новым арсеналом технических средств, на свой лад пареиначивает классику...»

«Существуют в мире ценности, — утверждает писатель, — которые только выигрывают от своей неприкосновенности, не прикасаясь к ним «творчески», выигрываем и мы...» Русская классическая литература, убежден С. Залыгин, жива, «еще действует сама по себе, и тем более неоправданно и неумно мешать этой ее самостоятельной и действенной жизни...»

Однако сохранение культурной традиции отнюдь не означает, в представлении писателя, ее консервации. Чуткий ко всему новому, плодотворному, что появляется в сегодняшней литературе, он замечает: «Мы найдем немало доказательств и того, что традиции не только живы, но постоянно обогащаются и развиваются».

Таковыми «доказательствами» для С. Залыгина является творчество Павла Васильева и Леонида Мартынова, Василия Белова и Василия Шукшина. Виктора Астафьева и Валентина Распутина... Над произведениями этих писателей немало размышляет Залыгин-критик.

Особое место в нашей литературе, и очень важное, занимает, по мнению писателя, Александр Твардовский.

«Был момент, — говорит С. Залыгин, — когда мы вдруг стали считать: жизнь так сложна, так нова, что наш традиционный язык не способен с достаточной точностью передать эту сложность и эту новизну. Мы стали наполнять нашу речь канцеляризмами, штампами. Язык технократизировался. И тут появился писатель, который не поддался этой «технократической» языковой волне, который сумел доказать нам всем, сколь велики потенциальные возможности русского, народного слова».

— Слово убедительно своим историзмом, — продолжает свою мысль С. Залыгин. — Если у слова нет истории, если оно не прошло вместе с человеком века, тогда это всего лишь термин. «Генетическая» память, если уместно в данном случае такое выражение, — вот что обеспечивает духовную силу слова.

ПО СКАДУ ума Сергей Павлович Залыгин — аналитик, исследователь (может быть, его бывшая инженерно-научная деятельность наложила здесь свой отпечаток). Потребность непременно дойти до сердцевины явления, объяснить его причины, проследить проявления для него необходима.

Вероятно, именно поэтому он особенно ценит в литературе дар художнического проникновения в суть события, человеческого психологии — всего того, что становится объектом изображения.

«Должно быть, только писатель — писатель, — считает он, — специальность которого — узнавать. Узнавать, узнавать...»

Как-то в разговоре Сергей Павлович посетовал, что в современной литературе не хватает, с его точки зрения, писателя типа Глеба Успенского или Федора Решетникова.

— Прочитайте, — горячо посоветовал он мне, — и вы увидите Россию тех лет. Быт, нравы, характеры — так точно, так ярко все передано!

— А помните Григоровича? — услышала я в другой раз. — Его очерк «Петербургские шарманщики»? Самый великолепный очерк из тех, что мне приходилось читать! Вот по каким произведениям следует изучать нашу историю!

Умение обыграть реальный житейский факт, увидеть за ним нечто существенное и важное — это, считает С. Залыгин, необходимо литературе. В наши дни, с его точки зрения, эта традиция русской прозы была в какой-то степени продолжена Шукшиным.

— В самом деле, — замечает писатель, — посмотрите: встречаемся на Шуйском тракте два шофера, вроде бы ничего особенного и не происходит, обычный житейский случай, а какой рассказ, какие характеры!

Разговаривать с Сергеем Павловичем всегда интересно, но и непросто. Непросто, потому что постоянно ощущаешь напряжение его мысли. В его высказываниях нет пустот, он ценит слово и всегда говорит о главном, говорит по существу. Здесь особое обаяние — обаяние ума, не демонстрирующего перед собеседником свои виртуозные возможности, а всегда аналитического, точного, доказательного.

Мне приходилось видеть С. Залыгина и в больших аудиториях, на встречах с читателями. Сергей Павлович, как он сам признается, любит аудиторию квалифицированную, любит разговор профессиональный, о чем бы ни шла речь — о литературе, о науке, об искусстве.

Вспоминается наша поездка с группой писателей в подмосковный городок физиков — Дубну. С. Залыгин — ведущий организованного там «круглого стола» сумел вывести разговор на самые актуальные темы. Речь шла об общей ответственности писателей и ученых за сегодняшний день, ответственности за жизнь на земле.

— Для меня вот что представляется важнейшей задачей современного человека, — говорил тогда С. Залыгин, — научиться отличать ВОЗМОЖНОСТЬ от НЕОБХОДИМОСТИ. Когда-то человек был горд, открыв в себе то, что затем было названо «беспредельными возможностями». Безусловно, он вправе гордиться этим и сейчас, но, вероятно, еще более должен своих возможностей опасаться и учиться их обуздывать. Возможности, если они не являются подлинной необходимостью, — вот что представляет сегодня для самих же людей наибольшую угрозу.

Мы всегда хотим обязательно иметь что-то новое, что-то такое, чего у нас не было прежде. В новизне заложено для нас нечто влекущее, мы без нее не можем, и с этим надо считаться — что не можем. Но и тут нужны ограничения, если хотим, чувство меры, которое пока еще доступно только искусству.

В наше время новизна должна быть естественной. И это лучшее и самое надежное ее качество.

Для культуры сегодня настал самый ответственный момент ее истории: она должна доказать, что она благо для человечества, а не его погибель.

Я позволила себе привести столь длинную выдержку из памятного для меня выступления С. Залыгина, потому что оно, на мой взгляд, точно обозначило круг проблем, которые особенно волнуют писателя сегодня.

И главная из них — воспитание в каждом советском человеке чувства личной ответственности.

Ответственности за родную землю, за все, что происходит на ней, за ее процветание и благо. Ответственности за культуру нашу, за слово, которое мы обязаны передать грядущим поколениям.

Светлана СЕЛИВАНОВА